

библиотека **Коммерсантъ**

Мохаммед Али:

Ни один вьетконговец
никогда не называл меня
ниггером

Хасан Бароев:

Нет ничего обиднее
второго места

Евгений Плющенко:

Да это бред полный,
а не фигурное катание!

Елена Исинбаева:

Поражения не нужны
человеку

Андрей Аршавин:

Жизнь все-таки гораздо
больше игры

Александр Овечкин:

Это для тебя, Россия!

Шварценеггер:

Настоящий атлет
всегда найдет время
и место для тренировок

Диего Марадона:

Это была рука Бога!

Вадим Евсеев:

Я таскаю рюкзак.
Туда и обратно.
Грязная работа, в общем

страсти

Александр Соловьёв

по спорту

Страсти по спорту

«Коммерсантъ»

2011

Страсти по спорту / «Коммерсантъ», 2011

Спорт – это гораздо больше, чем состязания, победы и поражения, ликование и скорбь. Это больше, чем деньги, с которыми он сейчас, кажется, неразрывен. Это средство управления людьми, государством, миром, наконец. Жить в обществе и быть свободным от спорта невозможно. От толп болельщиков до сильных мира сего – все ему подвластно. Спорт – это великий миф о высоком гуманизме, неотделимый от политики, денег и страшного злодейства.

, 2011

© Коммерсантъ, 2011

Содержание

Предисловие	7
Часть I	9
Глава 1	10
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Страсти по спорту

Побеждать – это как наркотик. Никогда, ни при каких обстоятельствах я не могу простить себе второго или третьего места.

Айртон Сenna, Человек дождя

Поражения не нужны человеку.

Елена Исинбаева, двукратная олимпийская чемпионка

Нет ничего обидней второго места.

Хасан Бароев, чемпион Олимпиады-2004, серебряный призер Олимпиады-2008

Победа – это не все; победа – это единственное, что есть.

Винс Ломбарди, американский футбольный тренер

«Рос-си-я! Рос-си-я!»

Фабио Капелло, тренер «Ювентуса», на Олимпиаде в Турине

Когда я увидел все эти трупы, то дал себе зарок никогда больше не возвращаться сюда.

Джамлинг Норгей, сын первооткрывателя Эвереста Тенцинга Норгея, шерп, который вернулся

«Формула-1» – спорт только один раз в две-три недели. В остальное время – это огромный бизнес.

Фрэнк Уильямс, хозяин команды «Уильямс-Рено»

Если есть возможность заработать, то почему бы ее не использовать?

Михаэль Шумахер, семикратный чемпион «Формулы-1», миллиардер.

Я ни разу не задавался вопросом, сколько у меня денег. Главное, что их у меня достаточно.

Майкл Джордан, шестикратный чемпион НБА, миллионер.

Увидев «Олимпию», Сталин предложил мне сделать фильм о нем.

Лени Рифениталь, режиссер

«Тур де Франс» – лучший пример тотального мифа.

Ролан Барт, философ и публицист

Чемпионский титул в тяжелом весе – это национальное достояние, которое не может принадлежать кому попало.

Джон Л. Салливан, США, первый официальный чемпион мира по боксу в тяжелом весе

Четыре года прошли быстро, но впустую.

Хасан Бароев, борец, обладатель серебряной олимпийской медали

Что нужно сделать, чтобы удачно выступить на Олимпиаде в Сочи? Нужно поменять всю систему.

Евгений Плющенко о фигурном катании

Если англичане называют это игрой, то что же они называют дракой?!
Путешественник Гастон де Фуа об английском футболе, XIV в.

Понятие игры англичанину недоступно. Он превращает спорт в пожизненную каторгу, принося ему в жертву свою душу и тело.
Джером Клапка Джером

Руководство Nike, конечно, всецело за защиту прав человека, но сумма контракта настолько велика, что сборная США поедет на Игры в Пекин во что бы то ни стало.
Пресс-релиз компании Nike

Предисловие

Спорт – древнейшее занятие человечества. Сыновья царей состязались в беге за трон. Тираны отправляли на ристалища своих чемпионов. Толпа ревела: «Хлеба и зрелищ!» Поэты, художники и философы творили миф о спорте, который жил своей жизнью, питаясь страстями, бурлившими на аренах и ристалищах, за тавлейной доской и в букмекерских конторах, на трибунах и улицах.

В самой, наверное, известной спортивной песне России, хите группы «Чайф» «Аргентина – Ямайка», нет слова «футбол». Но даже совсем далекие от спорта люди наверняка разделили с Сергеем Шахриным боль и грусть ямайских болельщиков, чья команда была не просто бита – уничтожена аргентинской сборной на чемпионате мира – 1998. Для российских болельщиков эта песня вообще стала чем-то вроде неофициального гимна – наша сборная гораздо чаще давала поводы для печали, чем для радости.

А когда такие поводы появлялись, эмоции зашкаливали за все разумные пределы (хотя какие могут быть разумные пределы у эмоций?). «Х... вам!» – орал в камеру футболист сборной России Вадим Евсеев, забивший победный гол ирландцам. «Мы – чемпионы, б...ь!» – тиражировало ТВ на весь мир восторг российской хоккейной «молодежки» после победы в финале ЧМ-2011 над Канадой. Тех, кто упрекал спортсменов в недостаточном парламентаризме, немедленно причисляли к ханжам и лицемерам. Победа списывала все.

Спорт противоречил сам себе. Изначально. «Не победа, а участие» Пьера де Кубертена и знаменитое «Победа – это не все; победа – это единственное (что есть)» Винса Ломбарди (заимствовавшего фразу у другого американского футбольного тренера – Генри Рассела). Эти взаимоисключающие девизы сталкивались – и уживались. Иначе и быть не могло.

Спорт воодушевлял нечеловеческой, почти божественной красотой. «Гимнасты должны летать! Над перекладиной надо летать!» – восклицал Алексей Немов. И они летали. И не только гимнасты. Летал над площадкой Майкл Джордан, взлетал над планкой Сергей Бубка, на хоккейном льду летал Валерий Харламов, на гоночной трассе – казалось, над ней – парил Айртон Сенна. Того, кто достиг высот, простым смертным недоступных, причисляли к небожителям. Хотя бы на время победы...

Спорт подавлял жуткими катастрофами и отчаянием проигравших. «Четыре года прошли быстро, но впустую», – заметил борец Хасан Бароев, пряча в карман серебряную медаль Олимпиады. Разлетелся в куски болид Алекса Занарди, замертво падали на поле футболисты, заново учился ходить великий лыжник Херманн Майер. Миф требовал крови своих творцов.

Спорт манил бешеными деньгами. Чемпионы становились миллионерами и превращались в нищих, не умея позаботиться о своем богатстве. Об этом умели заботиться другие – и превращали состязание в бизнес, измеряли романтику бухгалтерией, а рекорды – доходами.

Ведь противоречие, противостояние – самая суть спорта. Простое и доступное на уровне инстинктов: «наш – не наш», «хороший – плохой»; более сложные: «заслуженный ветеран – нахальный новичок», «лидер – аутсайдер»; эстетские: «техника – эмоции», «класс – порыв»; философские: «человек – стихия», «человек – система». И даже если вы не болельщик, если вы еще не чувствуете в себе этого непонятного, необъяснимого зуда, который появляется, когда на поле выходят гладиаторы современности, избранные сцены из величайшего театра всех времен и народов все равно достойны вашего внимания.

Спорт – это средство управления людьми, государством, миром, наконец. От толпы болельщиков до сильных мира сего – все подвластно спорту, а сам спорт подвластен своим жрецам и их пастве. Так было всегда. Это началось с того момента, как было брошено на дальность первое копьё или отмерены границы поля для игры в мяч. Античные лекари считали бокс хорошим средством против хронических головных болей. Средневековая христиан-

ская церковь называла спорт – любой – «языческими игрищами». Короли видели в нем угрозу общественному порядку и своему трону, а гуманисты XX века – средство укрепления обороноспособности.

Спорт – это гораздо больше, чем состязание, победы и поражения, ликование и скорбь. Спорт – это больше даже чем деньги, с которыми он сейчас, кажется, неразделим. Спорт – это великий миф о высоком гуманизме и страшном злодействе.

Потому что жить в обществе и быть свободным от спорта невозможно. Хорошо это или плохо, но это так.

Александр Соловьев

Часть I

Мгновения славы

Противостояние – альфа и омега спорта. В нем – сюжет зрелища, суть его драматургии, необоримая, иррациональная основа его притягательности. Спорт как зрелище до сих пор подчинен законам греческого театра. Ведь главное противостояние в спорте – с самим собой, неважно в борьбе с кем – временем, соперником, судьей, травмой или ненавистью трибун.

Миллионы, затаив дыхание, следят за поединками великих атлетов, переживают заново эпизоды великих матчей, восхищаются подвигами героев-одиночек и массовым героизмом спортивных команд. Люди вновь и вновь восторгаются громкими победами и превозносят победителей, сравнивая их с античными и библейскими героями.

Бои Мохаммеда Али, Джорджа Формана и Джо Фрейзера навсегда останутся в истории бокса; суперсерия-72 – в истории хоккея; покорение Эвереста – в истории всего человечества. Айртон Сенна и Ален Прост всегда будут неразлучны в глазах поклонников «Формулы-1»; без «Эль Класико», «Реала» и «Барселоны» немыслим испанский футбол; без рубки баскетбольных «династий» – НБА, а ралли «Париж – Дакар» давно стало «Эверестом на равнине», символом преодоления себя и стихии.

Победа – венец такого противостояния, а победитель – безусловный кумир. Блеск побед сборных России по хоккею, футболу, баскетболу, синхронному плаванию столь же ярки, как блеск мировых звезд спорта, живых легенд – Майкла Джордана, Уэйна Гретцки, Лэнса Армстронга, Сергея Бубки и Елены Исинбаевой.

Глава 1

Величайшие дуэли

- *Боксерские поединки: Мохаммед Али – Джордж Форман – Джо Фрейзер*
- *Величайшая дуэль в истории «Формулы-1»: Ален Прост vs. Айртон Сенна*
- *Дуэли легкоатлетов: Брумелль – Томас; Даргила – Феофанова*
- *Шахматы: Карпов – Каспаров*
- *Стычка Зидана и Матерацци*

Классик американской литературы XX века Норман Мейлер сказал, что в Америке чемпион в тяжелом весе – второй человек после президента. Некоторым, правда, удавалось становиться первыми. Обычно называют двух – Мохаммеда Али и Джорджа Формана. Но их было трое. Джо Фрейзер дрался и против Али, и против Формана, и эти поединки не уступали боям двух великих ни по накалу, ни по драматизму, ни по значению для спорта вообще и для бокса в частности. Все трое были олимпийскими чемпионами, все трое – самостоятельными величинами в боксе, не похожими друг на друга.

Али и Форман – классические антиподы. Форман был хулиганом, правда, неудачливым. С 14 до 16 лет Джордж пил, бездельничал и грабил прохожих. Грабить получалось плохо: часто он не выдерживал жалобных причитаний жертв и возвращал добычу. Али (тогда еще Кассиус Клей), наоборот, сам стал жертвой грабителей – у него украли велосипед. Он честно заявил первому встречному полицейскому, что проучит вора как следует. Полицейского звали Джо Мартин. В свободное от патрулирования время он тренировал подростков в местном боксерском клубе. Разгоряченному Кассиусу он заметил, что «прежде, чем кого-то побить, нужно сначала этому научиться», и записал будущего чемпиона мира в клуб. В подобный клуб угодил и трудный подросток Форман. И это, пожалуй, единственная общая их черта.

Али был артистичен, даже изящен на ринге, «порхал, как бабочка, и жалил, как пчела». Форман отличался чудовищной физической силой и мощностью удара. Поначалу он неплохо вел и техничный бой на дистанции, но потом отбросил эту тактику за ненужностью. Когда в конце 1980-х годов на ринге царил Тайсон, журналисты утверждали, что ни один боксер никогда не вызывал такого ужаса, как Железный Майк. Это неправда, Формана в свое время боялись больше Тайсона. И противники у него были посерьезнее.

Тайсон появился в эпоху, когда, кроме него, не было ни одного сильного тяжеловеса, а Форман выступал в золотые для тяжеловесов 70-е годы (большинство экспертов сходятся на том, что Форман образца 1973-го разорвал бы Тайсона образца 1989-го в клочья). А уж по злобности и агрессивности Форман мог дать фору кому угодно, в том числе и Тайсону. Али противники не боялись. Все знали, что он беззлобный мальчик, который хочет только выиграть бой, а не уничтожить соперника. Форман же, казалось, хотел убить, и только рефери мешал ему это сделать.

А Фрейзера долго не то чтобы не воспринимали всерьез, но не возлагали на него особых надежд. Он был невысок – всего 181 см – и довольно однообразен в бою. Все знали о его коронном левом боковом, все его ждали, и почти все тем не менее пропускали. Джо наезжал на соперника и давил его, как бульдозер, а когда тот хоть слегка терялся от этого напора, тут же наносил левый боковой.

Правда, с Форманом эта техника не сработала. 22 января 1973 года Фрейзер на Ямайке защищал свой титул в бою с ним. (В 70-е годы большинство самых кассовых боев проводилось вне США – промоутеры и боксеры скрывались от непомерных налогов.) Форман бросал своего противника на пол шесть раз. Последний, шестой, нокаунт этой встречи произвел неизгладимое впечатление даже на людей, далеких от бокса. Нечеловеческой силы апперкот Формана подбросил стокилограммового Фрейзера в воздух. Рефери остановил бойню.

Ни один вьетконговец никогда не называл меня ниггером.

Мохаммед Али о войне во Вьетнаме

Али был горлопаном и шоуменом, яркой личностью на ринге и за его пределами, почти народным трибуном и борцом за права негров. По его словам, в 1975 году он выбросил свою золотую олимпийскую медаль в реку Огайо, после того как его отказались обслуживать в ресторане «только для белых» и последовавшей за этим потасовки. В 1967 году его на три года лишили боксерской лицензии за отказ воевать во Вьетнаме. «Я не имею ничего против Вьет Конга¹. Ни один вьетконговец никогда не называл меня ниггером», – заявил тогда боксер, поплатившись за публичное диссидентство и титулом чемпиона.

Форман был далек от борьбы с расизмом. Олимпиада 1968 года в Мехико запомнилась прежде всего прекрасным выступлением американских спортсменов и их протестами против расовой дискриминации. Форман на пьедестале размахивал американским флагом и высказывался так: «Пусть никто не вздумает ругать при мне американскую систему. Она вознаграждает любого, только надо соображать, не бояться работы, вкалывать как следует и не давать ничему тебя сломить».

Что этот полукровка так носится со своим цветом кожи? Я в два раза чернее его.

Джордж Форман о Мохаммеде Али

Время Фрейзера настало с уходом Али, а когда тот вернулся, оставаясь при этом «народным чемпионом», бой между ними оказался неизбежным. Подогревая интерес к поединку, Али как натура артистическая постоянно заигрывался, а как профессиональный болтун придавал слишком мало значения собственным словам, наивно полагая, что остальные отнесутся к ним аналогично. Он, по общему мнению, едва ли не главный боец своего времени с расовой дискриминацией, обозвал Фрейзера Дядей Томом, что было тогда для негра в США тяжелейшим оскорблением. Джо не простил ему этого по сей день. Форман, кстати, чуть позже в ответ на похожие «наезды» Али философски обронил: «Что этот полукровка так носится со своим цветом кожи? Я в два раза чернее его».

Как бы то ни было, в тот раз на ринге Фрейзер оказался сильнее. За минуту до конца 11-го раунда Али едва не отправился в нокаут. Левый боковой Фрейзера попал ему точно в челюсть. Мохаммед пошатнулся и тут же получил еще. На секунду колени Али подогнулись, но он устоял и все оставшееся до гонга время уходил от ударов Фрейзера. Момент истины настал в начале 15-го раунда. Али опустил правую руку, чтобы нанести удар снизу, и в этот момент Джо опять засадил ему левый боковой точно в челюсть. Мохаммед упал, довольно быстро встал и закончил бой на ногах, однако безоговорочно проиграл. Так закончился первый великий бой великой эпохи.

Вторым был тот самый бой на Ямайке. Это был бой Давида с Голиафом, вот только его результат оказался прямо противоположен библейскому. Форман настолько превосходил Фрейзера физически, что тот просто ничего не мог сделать. Бой продолжался всего два раунда, даже меньше. В первом Форман трижды отправлял Фрейзера в нокаут, причем разными ударами. Во втором последовали правый прямой вдогонку и левый боковой. Фрейзер встал и после прямого, и после бокового. Но только для того, чтобы взлететь и снова упасть. На сей раз окончательно... Публика решила, что впредь великих боев не увидит – только публичные казни с Форманом в роли палача.

¹ Вьет Конг (или Вьетконг) – сокр. от. *Вьетнам конг шан* (вьетнамский коммунист). На Западе вообще и в США в частности во время войны во Вьетнаме (1955–1975) так сокращенно называли военно-политическую организацию «Национальный фронт освобождения (Южного) Вьетнама». Постепенно это слово стало эвфемизмом для обозначения Вьетнама как страны в целом. – *Прим. ред.*

Публика ошиблась. 30 октября 1974 года состоялась «Схватка в джунглях». В этот день в столице Заира Киншасе сошлись Форман и Али. Все казалось простым и ясным. Форман должен был победить. Осенью 1974 года он не уставал повторять, что попросту убьет претендента на ринге. Сегодня же честно признает, что опасался Али: «В те годы я крушил соперников одного за другим. Но накануне этого матча решил, что буду очень рад, даже если выиграю по очкам».

Али – по контрасту со своими былыми привычками – был немногословен, но по-прежнему очень образен. Его прогноз на исход поединка свелся к одной фразе, которая шокировала Америку: «В Киншасе вы увидите величайшее чудо со дня воскресения Христа!» И воскресение действительно состоялось. Форману не повезло – он встретился с самым умным боксером в истории.

В 4.30 утра по заирскому времени (за океаном это было временем прайм-тайма), противники вышли на ринг. Трибуны (в основном туристы из США) пришли в экстаз.

То, что происходило дальше, не поддается логическим объяснениям. Али, даже не пытаясь контратаковать, отошел, словно безнадежный аутсайдер, к канатам и «прилип» к ним. Чемпион наносил удар за ударом. «После третьего раунда я не мог поверить своим глазам: Али по-прежнему стоял на ногах, хотя, по моим расчетам, давно должен был лежать замертво на полу!» – рассказывал Форман.

Сегодня тренер Али Анджело Данди утверждает, что, несмотря на, мягко говоря, не лучший старт своего подопечного, не сомневался в победе: «Форман был удобным для него противником. У таких Али всегда выигрывал». Но в те минуты – это было видно всем – Данди здорово нервничал. «После каждого раунда я повторял ему: “Хватит прижиматься к канатам, выходи на центр ринга, атакуй его сам!” И представляете, что он отвечал мне на это: “Я знаю, что делаю!”»

Али так и не стал отходить от канатов. Однако чем дольше продолжался бой, тем яснее становилось зрителям: претендент и в самом деле знает, что делает, а «тактика аутсайдера» была его очередной гениальной находкой. С каждым раундом Форман уставал все больше, и прежде всего психологически: он бил, а противник не падал. В седьмом раунде десятки тысяч поклонников Али, которые заметно превосходили по численности «армию чемпиона», почувствовали, что перелом близок, и снова принялись скандировать: «Бей его!» А в конце восьмого раунда их любимец, все так же не отходя от канатов, провел серию ударов, после которой Форман рухнул на пол. Чудо свершилось!

Правда, видеоповтор показал, что рефери Зэк Клейтон не успел досчитать до десяти, когда Форман поднялся на ноги, но тем не менее зафиксировал нокаут. Впрочем, Форман сам признал: «Он бы все равно меня добил». Али в своем комментарии был столь же краток: «Я же говорил вам, что я – лучший».

Самый выдающийся бой в истории бокса завершился, когда над Киншасой забрезжил рассвет. Али чуть позже скажет: «Это было очень символично. Ведь в Киншасе снова взошло солнце и в моей жизни». Он был прав: в тот день состоялось возрождение чемпиона из чемпионов, признанного благодаря победе в Заире спортсменом года в США.

«Схватка в джунглях» давно стала чем-то вроде сказки, а главная ее тайна – собственно бокс. Точнее, Мохаммед Али. Возможно, не будь того боя, этот человек, ныне считающийся едва ли не наиболее ярким символом ушедшего столетия в спорте, так бы и остался просто одним из великих. Но ведь был еще один бой, который может поспорить со «Схваткой в джунглях».

1 октября 1975 года Мохаммед Али и Джо Фрейзер сошлись в третий раз – на Филиппинах. Этот бой получил не менее громкое название, чем поединок в Заире, – «Триллер в Маниле». Али превзошел себя в умении оскорблять соперника. Фрейзер зверел, а все вокруг смеялись, отчего он зверел еще больше. Между тем Али просто развлекался и попутно «рас-

кручивал» матч. Но каково было Фрейзеру видеть по телевидению, как Али во всех публичных местах достает из кармана фигурку гориллы и, строя уморительные рожи, под всеобщий гогот начинает ее колошматить?!

Али кривлялся до самого начала боя. Помпезный золотой кубок – приз победителю от президента Маркоса – он с улыбкой утащил в свой угол, как только тот появился на ринге. Но это была его последняя хохма в тот день. А дальше был бой в стиле поединка Ахилла и Гектора, причем роль Гектора отводилась скорее Али.

Он маневрировал, много контратаковал и часто попадал. А Фрейзер просто бил. В основном в корпус. И это с лихвой перевешивало все, что делал Али. Но в середине боя Мохаммед на время перехватил инициативу. В следующих раундах Али и Фрейзер обменивались такими сериями ударов, что было непонятно, почему бой до сих пор не закончился тяжелым нокаутом одного из них. Но бесчисленные удары по корпусу, которые Фрейзер методично отвечивал Али, кажется, стали сказываться: Али уставал все больше и больше.

Однако в 10-м раунде он сумел левым хуком и несколькими «двойками» потрясти Фрейзера, а в 11-м развил успех. Оба были вымотаны до предела. В следующих трех раундах Али просто устало бил Фрейзера, а тот лишь отмахивался. В 12-м раунде у Фрейзера изо рта пошла кровь. На 14-й раунд он вышел, по сути, вслепую – оба глаза у него практически полностью заплыли. Ближе к концу раунда Фрейзер попытался провести отчаянный левый боковой на скачке, однако Али без труда ушел от него и обрушил в ответ ударов десять. Гонг!

Али, пошатываясь, побрел в свой угол и приказал ассистентам разрезать и снять с него перчатки. Он не видел, что в другом углу Фрейзер заплетающимся языком пытается выговорить своему тренеру Эдди Фатчу: «Я сделаю его, босс», – а тот, покачивая головой, сигналил рефери Карлосу Падилле. Фатч не выпустил Фрейзера на 15-й раунд. Али выиграл, но признавался потом: «Просто Фрейзер прекратил бой чуть раньше меня. Я не думаю, что смог бы драться еще».

Через несколько часов после боя в больничной палате Фрейзер кричал посетителю: «Включите свет! Включите свет!» Свет горел – он просто не мог открыть глаза. «Я наносил ему удары, которые пробивали бы крепостные стены, – говорил Фрейзер. – Боже! Боже! Он великий чемпион!» – «Я никогда не был ближе к смерти, – вторил ему Али. – Джо Фрейзер – величайший боксер в мире после меня!»

Потом были Тайсон, Холифилд и Льюис... Джордж Форман стал священником. Изрядно располневший, с на редкость обаятельной улыбкой, он достаточно часто появлялся на страницах газет и журналов. Форман стал чем-то вроде эдакого большого папочки, за широкой спиной которого удобно и приятно спрятаться. В 1994 году, правда, он неожиданно вернулся на ринг – ему было 45 – и показательно отлупил тогдашнего чемпиона Майкла Мурера. Али ушел с ринга раньше, в 1981-м. Через три года у него диагностировали болезнь Паркинсона. Но даже сейчас, весь дрожащий, как студень, он может сказать о себе: «Вы думаете, я несчастен? Да, я хотел бы, чтобы ко мне вернулось здоровье, но я не несчастен».

Джо Фрейзер в 1976 году снова дрался с Форманом, снова проиграл и ушел из бокса. В 1976-м он появился в коротком эпизоде в фильме «Рокки». В дальнейшем Фрейзер вел скромную жизнь, тренируя детей в собственном боксерском клубе. Свою золотую олимпийскую медаль он разрезал на 11 частей и раздал своим детям.

Болельщики до сих пор спорят, какой бой был самым главным в истории бокса.

Для поклонников же «Формулы-1» подобная дискуссия просто не имеет смысла. Все давно решено. Дуэль Айртон Сенны и Алена Проста – величайшее противостояние в истории Больших призов. И точка. Другого быть не может.

И они правы. Это был классический, абсолютный, идеальный антагонизм. Битва титанов. Расчетливый и тонкий, спокойный и стабильный Профессор Прост, и взрывной и непосредственный Человек дождя (то бишь, попросту, шаман) Сенна. Ветеран (в 1988 году, когда Сенна

и Прост столкнулись лицом к лицу в «Макларене», Прост был уже двукратным чемпионом мира) и амбициозный юнец (Сенна уже считался мастером квалификации, выигрывал гонки, но на пьедестале в те годы царили Прост, Нельсон Пике и Найджел Мэнселл).

Их противостояние – пока заочное – началось в 1984 году, когда Прост был уже готов к тому, чтобы стать чемпионом (в 1983 году Прост из-за поломок машины занял лишь второе место, хотя еще перед последней гонкой был первым в личном зачете). Сезон-1984 Ален начал с победы на Гран-при Бразилии – и проснулся, наконец, кумиром французских болельщиков. Бразилец Сенна до финиша не доехал, но уже на следующей гонке – в Южной Африке, на трассе Кьялами – заработал первое очко.

А через два месяца Прост и Сенна впервые сошлись на трассе. Монако 1984 года навсегда останется в числе легендарных Гран-при. Там 24-летний бразилец, дебютант чемпионата, заявил на весь мир, что не желает быть вторым. Трасса, проложенная по улицам Монте-Карло, считается самой медленной, но технически одной из самых сложных в мире; дождь же превращает ее в сложнейшее испытание для гонщиков.

В воскресенье 3 июня шел настоящий ливень. Лидеры сбавили скорость, любая ошибка на мокрой трассе грозила сходом, если не серьезной аварией. А Сенна будто ждал именно этого момента, чтобы показать, на что способен. На слабом, вечно отстающем «Толман-Харт» он шел красиво и уверенно, показывая один рекорд круга за другим, и постепенно догонял лидировавшего Алена Проста. Гонка стала слишком опасной, и судьи прекратили ее за несколько кругов до финиша, когда Сенну отделяли от Проста считанные секунды. Второе место, занятое тогда Айртоном, было и осталось лучшим результатом машин Toleman за все годы участия в гонках «Формулы-1».

Впервые в жизни, стоя на пьедестале после розыгрыша Большого приза, Айртон Сенна едва не плакал от досады – ведь он мог выиграть. Но и Прост в 1984 году не стал чемпионом. Его партнером тогда был знаменитый австриец Ники Лауда, которому Ален в конце сезона проиграл всего пол-очка, заняв очередное второе место. Проиграл, выиграв больше гонок в сезоне, включая последнюю. Ее Лауда начал с 11-го места, и только вылет другого великого гонщика – Найджела Мэнселла – за 18 кругов до финиша позволил австрийцу набрать необходимые очки.

1985 год стал годом Проста. Впервые за всю историю «Формулы-1» чемпионат выиграл француз. Ален получил орден Почетного легиона. И в 1986 году сделал то, что не удавалось пилотам «Формулы-1» более четверти века, – отстоял свой титул. Пересевший на «Лотус» Сенна, отчаянно выжимал из машины все возможное и невозможное, но оставался на задворках главной интриги сезона, развязка которой наступила лишь в последней гонке – в австралийской Аделаиде.

За чемпионской короной гнались Прост, Мэнселл и Пике на «Уильямсе». Казалось, что шансов у Проста нет: Мэнселл опережал его на шесть очков, а сверхнадежный в том сезоне «Уильямс» не позволял надеяться на то, что в спор гонщиков вмешаются технические неполадки...

Но на стороне Сенны был еще великий стратег гонок Рон Деннис. Вдвоем они устроили диверсию, сделавшую ту гонку в Аделаиде легендарной. Для начала по паддокам пополз слух о том, что поставщик резины, компания Goodyear, привезла в Австралию новые сверхпрочные покрышки, выдерживающие всю гонку без замены. В «Уильямсе» слуху не придали особого значения. Но и не пропустили мимо ушей.

Партнер Проста Кеке Росберг заявил, что решил не помогать французам бороться за титул, а достойно провести свою последнюю гонку и отметить ее победой.

Квалификацию выиграл Мэнселл. Пару ему в первом ряду составил Пике. Прост был лишь четвертым, проиграв еще и Айртону Сенне, а Росберг и вовсе занял только седьмое место, но со старта обошел всех одного за другим. На 32-м круге Прост заехал в боксы на смену

шин, симитировав медленный прокол. Выехав четвертым, на свежей резине, он понемногу приближался к соперникам. Мэнселл шел третьим – это гарантировало ему общую победу.

А Росберг упорно лидировал. Позади осталось уже полсотни кругов, а он и не собирался сбавлять темп. Слухи о суперрезине получали наглядное подтверждение. «Уильямсы» бросились вперед. С пит-стопом решили тянуть как можно дольше. Наконец на 63-м круге у Росберга лопнула покрышка. Пока в боксах «Уильямса» соображали, в чем дело, прошел круг, и болид Мэнселла постигла та же участь. Пике все понял и бросился в боксы сам. Но было уже поздно. Вернувшись на трассу, он оказался в 15 секундах позади Проста. До конца гонки оставалось 16 кругов, за которые Пике сумел сократить отрыв до 4,2 секунды, но этого было мало. Прост стал двукратным чемпионом мира, окончательно утвердившись в звании Профессора.

В 1987 году, одержав 28-ю в карьере победу, Прост побил рекорд Джеки Стюарта и на долгие годы стал рекордсменом по числу побед на Гран-при. Он сумел за счет нестандартных настроек уменьшить износ шин и сделал на одну остановку в боксах меньше, чем его соперники Пике и Сенна, на Гран-при Бразилии. И победил. Тем не менее в 1987-м Просту лишь на отдельных Гран-при удалось навязывать борьбу «Уильямсам». По итогам сезона он стал лишь четвертым, уступив Сенне, на чьем «Лотусе» теперь стоял двигатель от компании Honda.

А 1988 году «Макларен» получает наконец двигатели от японского концерна, а с ними и Сенну – уже Волшебника и Человека дождя. И он уже сказал: «Побеждать – это как наркотик. Никогда, ни при каких обстоятельствах я не могу простить себе второго или третьего места». Любовь к гонкам и желание всегда быть первым – два чувства, которым Сенна подчинил свою жизнь.

Резкий, часто агрессивный в гонке, таким же он был и в общении с коллегами по «Формуле», с журналистами, со всем миром, кроме своей семьи и своих болельщиков. Столько фанатичных поклонников и ярых противников не было ни у кого из пилотов «Формулы-1», но даже противники не могли отрицать его талант. Сенна действительно был гонщиком от бога, не только гениальным водителем, но и игроком, одержимым азартом победы.

А еще он был истово верующим христианином и полагал, что вера оберегает его от несчастья и делает неуязвимым. К тому, что он подвергает смертельной опасности не только себя, но и других, Айртон, в сущности, относился с безразличием. Машины соперников, которые мешали ему первым прийти к финишу, он буквально вышвыривал собственной машиной с трека. На гонщика, который помешал ему прийти первым, он мог после заезда совершенно всерьез наброситься с кулаками.

Грандиозная дуэль Сенны и Проста 1988–1989 годов расколола надвое весь мир «Формулы-1». Других команд тогда словно не существовало. Был только «Макларен» и два неприемлемых противника – Сенна и Прост. Бразилец стартовал с поула-позиций² почти на всех этапах, только на родном кольце «Поль Рикар» Ален дважды смог показать лучшее время. В 1988 году дуэт Сенна – Прост выиграл 15 гонок из 16, причем счет был 8:7 в пользу бразильца.

Сказать, что пилоты недолюбливали друг друга, значит не сказать ничего. Мало кто ожидал, что на следующий год Прост останется в команде. Но другой возможности добиться реванша не было. А поскольку директор «Макларен» Рон Деннис, несмотря на давление японцев, все же симпатизировал Просту, тот остался. Маленький француз, объясняя журналистам нюансы гонок, не стесняясь, говорил о том, что заведомо проигрывает Сенне на трассах, огороженных бетонным отбойником, но обходит его там, где на поворотах есть зоны безопасности. В этом было главное различие между ними. Прост – отличный турнирный боец, великолепный пилот с тонким чувством машины, расчетливый, выдержанный и обладающий мощным чувством самосохранения, которое, однако, не мешало ему побеждать. Сенна – не менее талантливый

² Поул-позиция (поул) – первое место на стартовой решетке в авто- и мотоспорте, расстановка на которой определяется в квалификации – предварительных заездах. – *Прим. ред.*

вый гонщик, но его стиль – агрессивная езда, часто на грани фола. Коронный прием бразильца: идя на обгон перед поворотом, он опасно подрезает обгоняемого, заставляя того экстренно тормозить, и обычно этот маневр проходит – большинство пилотов не хотят лишний раз рисковать.

Квинтэссенцией чемпионата 1989 года стал последний, японский, этап. Прост лидировал, и лишь победы в обеих заключительных гонках давали Сенне шанс отстоять титул. До финиша на трассе «Сузука» оставалось семь кругов, Прост шел на первом месте, Сенна, в который уже раз, пытался обогнать его на входе в поворот. Но на сей раз излюбленный маневр не удался: француз не уступил, как это случалось раньше, и не стал тормозить. Сцепившись, обе машины вылетели на обочину и замерли. Надо отдать должное Просту, который вовсе не «завелся», а совершенно хладнокровно позволил бразильцу ударить себя. Он все рассчитал и, видимо, просто решил наказать Сенну, понимая, что при обоюдном сходе с трассы победа в чемпионате будет за ним. Упорный бразилец умудрился с помощью пожарных освободить свою машину и блестяще финишировать, вырвавшись на последних метрах в лидеры, но по окончании гонки был дисквалифицирован за опасную езду – Прост в третий раз стал чемпионом мира.

После этого инцидента атмосфера в команде, понятно, не улучшилась, впрочем, еще раньше было объявлено, что Прост переходит в «Феррари». В следующем сезоне ситуация повторилась с точностью до наоборот. На той же японской трассе теперь уже Просту нужна была победа, чтобы догнать по числу очков Сенну. На первом же после старта повороте бразилец, не заботясь о приличиях, откровенно выпихнул «Феррари» Проста с трассы. На сей раз дисквалификации не последовало, в чемпионате победил Сенна. Через год свой третий титул он выиграл безоговорочно, очередная модель «Феррари» получилась неудачной и не позволила Просту подняться выше пятого места.

После этого Профессор решил взять «академический отпуск», поскольку, по его словам, хотел отдохнуть от сумасшедшей жизни гонщика. Но все прекрасно понимали, что он просто не видит команды, выступая за которую можно было бы бороться с Сенной.

Пока Прост комментировал этапы «Формулы-1» для французского телевидения, такая команда появилась: «Уильямс» с моторами Renault прервал монополию «Макларен-Хонды». Пилоты команды заняли первое и второе места. Не успел закончиться сезон, как было объявлено, что на следующий год первым пилотом «Уильямса» будет Ален Прост. Ради него Фрэнк Уильямс, хозяин конюшни, пренебрег даже «царствующим» чемпионом Мэнселлом, который, оскорбившись, ушел гоняться в американский Indycar.

В 1993 году все с замиранием сердца ожидали продолжения борьбы Профессора и Волшебника. Но Сенна уже находился в заведомо проигрышном положении: «Макларен» лишился превосходства, которое несколько сезонов обеспечивали двигатели Honda, а с мотором от Ford бороться против чемпионского Уильямс-Рено было бессмысленно. «В квалификациях мне приходится ехать за пределом собственных возможностей, чтобы догнать “Уильямс”, и, выходя из машины, я радуюсь, что остался цел», – говорил тогда Айртон. «Не очень приятно постоянно рисковать жизнью, чтобы попасть в первый ряд на старте. Рано или поздно спрашиваешь себя – зачем? В конце концов, даже если я вырываюсь вперед со старта, это недолго развлекает публику, вскоре оба “Уильямса” меня обгоняют. Знаете, просто в такие моменты тобой управляет сердце, а не разум».

Не умея смириться с поражением, Сенна буквально на себе тащил злополучный «Макларен» к финишу. И снова дождь помогал ему – дома в Бразилии, в Монте-Карло, где он побил рекорд Грэма Хилла, победив в шестой раз, в Японии... В Донингтон-парке, в Англии, Сенна стартовал четвертым. Впереди были Прост и Дэймон Хилл на «Уильямсах» и Михаэль Шумахер на «Бенеттоне». Но это была гонка Человека дождя.

Сразу после старта Хилл выдавил Шумахера на внешнюю сторону трассы, а тот, в свою очередь, выдавил Сенну. В этот момент Вендлингер, стартовавший пятым, смог обойти по внутренней траектории и Сенну, и Шумахера.

Сенна резко ушел внутрь первого поворота и по «классической» траектории прошел Шумахера, а потом сделал то, на что не решился бы ни один гонщик: вернулся на внешнюю траекторию. Это было абсурдом, заведомо проигрышным маневром – поворот выходил длиннее, так не ездил никто. Но Сенна просто промелькнул мимо Вендлингера в повороте и успел занять нужную позицию перед следующим правым поворотом. Скорее всего, сцепление с трассой на внешней стороне было намного лучше, чем на внутренней, и Сенна оказался единственным из гонщиков, кто смог это предугадать.

Затем он обошел сначала Хилла, а затем Проста и к концу первого круга уже был на первом месте. Многие эксперты потом говорили, что это был лучший первый круг гонки, который они когда-либо видели. Дождь то прекращался, то начинался снова, гонщики постоянно меняли резину, а Сенна несколько раз затягивал смену, продолжая ехать по мокрой трассе на сликах.

Лучший круг гонки Сенна тоже показал так, как не делал до него никто, – он проехал через пит-лейн, не останавливаясь, а по пути еще и помахал своим механикам. Путь через пит-лейн был короче, а скорость перед боксами тогда не сбрасывали. Комментаторы оживленно бросились обсуждать очередную экстравагантную выходку бразильца. Но после гонки Айртон объяснил, что это вышло случайно – он собирался сменить дождевую резину на слик³, но, уже свернув на пит-лейн, заметил, что дождь пошел снова, и решил продолжить гонку на дождевой. Поприветствовать механиков, по его словам, было в этой ситуации совершенно естественным, а о лучшем круге Айртон вообще не думал.

На финише в одном круге с Сенной был только Хилл, отставший на 80 секунд.

1993 год принес Айртону Сенне пять побед на этапах, всего на две меньше, чем у Проста, и второе место в чемпионате. Профессор, хотя многие и считают сезон 1993 года не лучшим в его карьере, между тем обеспечил себе уверенную досрочную победу и уходил в зените славы.

Никто, кроме самого Проста, похоже, не был рад. Даже поклонники Сенны, думается, чувствовали, какой потерей для «Больших призов» станет уход Профессора. Да и сам бразилец, уже трехкратный чемпион, остепенившийся, сменивший агрессивную манеру езды на филигранную технику, в душе вряд ли был доволен тем, что его вечный оппонент подался на покой. Ведь он остался последним из чемпионской когорты, а вместе с Простом уходила целая эпоха. Возможно, этот переломный момент и определил дальнейшую трагическую судьбу Сенны, но это уже другая история.

Как и история другого известного противостояния в мотоспорте, к счастью, не настолько трагического. Замечательного итальянского мотоциклиста Массимилано Бьяджи по прозвищу Безумный Макс обожали на родине. К началу XXI века он как раз вступил в пору спортивного расцвета и наверняка стал бы чемпионом мира, не появившись в шоссейно-кольцевых мотогонках вундеркинд Валентино Росси. Но Росси появился, и максимум, чего удалось добиться Бьяджи, – это стать вторым.

Они почему-то сразу невзлюбили друг друга. Росси вспоминал, как, еще будучи ребенком, смотрел мотогонки по телевизору и отчего-то испытывал безумную антипатию к Бьяджи: «Даже не знаю отчего, но мне ни разу не захотелось с ним пообщаться. Тогда он начал говорить обо мне гадкие вещи в прессе».

³ Слик – абсолютно гладкий тип резины покрышек, без канавок и протекторов. Увеличивает сцепление с дорогой, но при этом изнашивается (стирается) быстрее, чем «дождевая» резина с характерным рисунком протектора. С 1998 по 2008 год слики в «Формуле-1» были запрещены. – *Прим. ред.*

В истории взаимоотношений двух кумиров Италии было немало любопытного. Была, скажем, гонка в Японии в 2001 году, когда оба ехали бок о бок, выталкивая друг друга за обочину, и Росси, по собственному признанию, ощутил себя мотокроссменом – только рубящимся на скорости не 60, а 220 км/ч. Он выиграл ту борьбу и, уезжая от Бьяджи, сделал неприличный жест рукой в его адрес. Был еще круг почета Росси с привязанной куклой Клаудии Шиффер за спиной – намек на нашумевший роман противника с Наоми Кэмпбелл.

Подобные эскапады – все-таки экзотика. Для хорошей драмы обычно вполне достаточно самого по себе спортивного содержания дуэлей. Так, схватку прыгунов в высоту Валерия Брумеля и Джона Томаса называли суперсерией еще за 10 лет до хоккейной битвы 1972 года. Советский спортсмен четырежды обыграл противника при том, что однажды – на Stanford Stadium – за американца болели 100 000 человек, а в другой раз – в знаменитом нью-йоркском Мэдисон-сквер-гарден – состязаться пришлось в совершенно непривычных для Валерия Брумеля условиях: публика курила, а во время прыжков, чтобы «завести» зрителей, играл джаз.

Спустя год за советским прыгуном наблюдали 100 000 человек уже в Москве, в «Лужниках» (в СССР прыжки в высоту, как и в США, в те годы были культовым видом спорта). И в очередной своей победной дуэли с Томасом Брумель взял 2,28, установив феноменальный мировой рекорд, который сравнивали с полетом в космос Юрия Гагарина.

Злым гением для Томаса Брумель стал еще до той суперсерии, опередив американца в 1960 году на Олимпиаде в Риме. Но самое болезненное поражение от великого российского прыгуна американец потерпел на следующих Играх – в Токио. В день финала шел дождь. И, как писали потом местные газеты, создавалось впечатление, что, чем сильнее он лил и чем труднее становилось разбегаться по гаревой дорожке, тем увереннее чувствовал себя Брумель. Они с Томасом в итоге остановились на одинаковой высоте – 2,18, но у спортсмена из СССР, выступавшего под 666-м номером, было на попытку меньше.

В начале XX века на первый план вышли девушки. Девушки с шестом. Что для американской легкой атлетики было, в принципе, довольно странно. Культ американцев в легкой атлетике – это спринт, но никак не шест. Но женский шест включили в олимпийскую программу, а для американцев медаль Олимпиады, в каком бы виде спорта она ни была добыта, – еще бóльший культ.

Сидней, точнее, добытое там «золото», полностью изменил жизнь калифорнийской девушки. Дело не в премиальных, заработанных там Стэйси Драгилой, и не в роскошных рекламных контрактах. В том же 2000 году она, мировая рекордсменка и олимпийская чемпионка, получила еще одну награду, которая, возможно, даже ценнее, чем «золото» Сиднея, – приз Джесси Оуэнса: он вручается лучшему легкоатлету сезона.

Спустя год после ее олимпийской победы турнир прыгуний с шестом на чемпионате мира в Эдмонтоне держал в напряжении весь стадион. Никто не ожидал, что молодая российская прыгунья Светлана Феофанова будет почти на равных с непобедимой американкой. Почти – это потому, что одну из своих попыток, на 4,65, она все-таки сорвала. В итоге, правда, добралась до той же отметки, что и Драгила, – 4,75, но для победы этого оказалось мало. Нужно было прыгать на мировой рекорд. Высота 4,82 не покорила ни Светлане Феофановой, ни Стэйси Драгиле, которая чемпионкой все равно стала.

Тогда москвичка с удивительной непосредственностью, граничащей с наглостью, рассуждала об огрехах в технике Стэйси Драгила, которая многим казалась идеальной: «Она посредством выполняет первую фазу прыжка – компенсирует все на второй».

И на следующий год Светлана Феофанова доказала, что «наглена» не на пустом месте, в течение четырех февральских недель установив пять мировых рекордов для закрытых помещений! Еще два «зимних» достижения она добавила в свою коллекцию с началом нового сезона. Ее лучший результат (4,77) и летний мировой рекорд Драгила разделяли всего четыре сантиметра. Американка на чемпионате США 2 марта вернула себе «зимний» рекорд – 4,78. До

чемпионата мира в Бирмингеме, который должен был решить, кто из них сильнее, оставалось чуть больше недели.

Но... никакой битвы в Бирмингеме не вышло. Драгила не взяла смешную для себя квалификационную высоту 4,30. «Я старалась компенсировать отсутствие Стэйси и прыгала в полную силу», – шутила Феофанова в ответ на вопрос, почему ей удалось внешне так легко взять новую «зимнюю» рекордную высоту – 4,80. В Бирмингеме поговаривали, что к «настоящим» прыжкам лучшие спортсменки подберутся поближе уже в августе, на летнем чемпионате мира 2003 года в Париже. Там и ожидалась главная дуэль Светланы Феофановой и Стэйси Драгила.

А то сидят некоторые рядом. Смотрят. Я же тоже все вижу – периферическим зрением своим. Но моих глаз они не видят.

Елена Исинбаева о соперницах

И она состоялась. Вот только вместо Драгила, выбывшей достаточно рано – американке не покорилась высота 4,60 («спотыкаться» она начала еще раньше: едва не сбила планку на 4,55), – основными соперницами Феофановой были уже немка Анника Беккер и совсем еще молодая Елена Исинбаева. Светлана, между прочим, вышла в сектор с высокой температурой и забитыми бронхами. В таком состоянии показан постельный режим, а не финал чемпионата мира. Обычно живая и задорная, выглядела Феофанова не лучшим образом. Особенно бросалось в глаза ее осунувшееся, бледное лицо, на котором ярче обычного проступали веснушки.

После нервной «перестрелки» на отметке 4,7 °Светлана с большим запасом взяла 4,75, показав, что может, если надо, прыгнуть и выше. Исинбаева и Беккер сдались на милость победительницы. Все, можно вздохнуть с облегчением. И вслед за рыдающей на плече тренера Исинбаевой расплакалась и железная Феофанова, обычно скрывающая от всех свои эмоции. Она все же взяла себя в руки и даже попросила судей установить планку на сантиметр выше мирового рекорда – 4,83, но в последний момент отказалась от штурма этой вершины.

Следующий сезон вошел в историю женского прыжка с шестом как сезон поединка Феофановой и Исинбаевой. Подхлестываемые соперничеством друг с другом, обе спортсменки устанавливали один мировой рекорд за другим. Большой финал состоялся на Олимпийских играх – 2004 в Афинах. После того как Исинбаева не взяла 4,70 и 4,75, казалось, что Феофановой ничто не помешает стать олимпийской чемпионкой. До высоты 4,75 у нее не было ни одной осечки. Однако Елена прыгнула на 4,80, а Светлана провалила все последующие попытки и осталась с серебром. В итоге Исинбаева выиграла с мировым рекордом 4,91 м.

Шахматы многие отказываются считать спортом – и совершенно напрасно. Драматизм противостояния там не меньше, чем в боксе, а сложность и точность расчета вкупе с ценой принимаемых решений не уступают «формулическому». И пусть за доской сантиметры или секунды не имеют такого значения, как в легкой атлетике, напряжение в шахматных дуэлях не ниже, чем на беговой дорожке или в прыжковом секторе.

Поистине монументальным противостоянием стали матчи Анатолия Карпова и Гарри Каспарова. Они сражались за звание чемпиона мира пять раз – больше, чем какая-либо другая пара соперников. Первый матч (начался 10 сентября 1984 года) вроде бы не предвещал для чемпиона особых проблем – при регламенте до шести побед Карпов вел 5:0. Но этот матч стал рекордным по продолжительности.

Выиграть шестую партию Карпов так и не сумел. Каспаров выдержал натиск, сделал серию ничьих, а потом начал выигрывать. После 48 партий, при счете 5:3 в пользу Карпова, матч был прерван вопреки яростным возражениям Каспарова. Официальной причиной его прекращения была названа забота о здоровье игроков. С этого момента система бессрочных матчей была упразднена и заменена на матч из 24 партий. При счете 12:12 чемпион сохранял титул.

Я предпочитаю таких шлюх, как твоя сестра.

Марко Матерацци Зинедину Зидану

Второй матч между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым состоялся с 1 сентября по 10 ноября 1985 года в Москве. Каспаров победил со счетом 13:11 и стал 13-м – и самым молодым в истории – чемпионом мира по шахматам. Он победил и в матч-реванше, а также отстоял свой титул еще в двух матчах. В 1987 году в Севилье, перед последней партией Карпов вел +1, но Каспаров переиграл Карпова его же оружием, холоднокровно наращивая позиционное давление и виртуозно используя малейшие помарки противника.

В 2002 году непримиримые соперники встретились вновь, и Карпову удалось победить Каспарова в неофициальном матче из четырех партий со счетом 2,5:1,5.

Матчи Карпова с Каспаровым были не только шахматным противостоянием – они достаточно быстро, по крайней мере в глазах широкой публики, превратились в нечто большее. И дело не только в том, что одним из последствий этих матчей стала реформа (а по сути, развал) Международной шахматной федерации (ФИДЕ) и раскол в мировом шахматном движении (почти 10 лет ФИДЕ лихорадило, и лишь к началу XXI века организация восстановилась). Для многих Карпов был продуктом и агентом советской системы, а Каспаров – представителем нового, демократического мира. В их противостоянии многие видели символ драматических перемен, которые переживал СССР, да и весь мир в конце XX века. Трудно сказать, помогала ли такая трактовка развитию шахмат. Вообще, когда противостояние спортсменов выходит за рамки спорта, спорт, как правило, страдает. Хотя само столкновение запоминается надолго.

Сейчас уже вряд ли кто-то, кроме специалистов, скажет, кто именно забивал в основное время в финале чемпионата мира по футболу 2006 года. Но то, что произошло на 109-й минуте матча, помнят многие.

В центре поля капитан французской команды и трижды лучший футболист мира Зинедин Зидан боднул защитника итальянцев Марко Матерацци в грудь. Тот рухнул на газон (французы в тот момент серьезно «подавливали» итальянцев). Главный арбитр не видел эпизода, но, посоветовавшись со своим помощником, который наблюдал инцидент лично со своей позиции на бровке, показал Зидану красную карточку.

Целый год вопрос, что же Матерацци сказал Зидану, будоражил умы. Сам итальянский провокатор даже выпустил книгу «Что я на самом деле сказал Зидану», в которой привел 250 версий фразы разной степени остроумности. Через год, 20 августа 2007 года, в интервью итальянскому журналу *Sorrisi and Canzoni* он признался. Фраза звучала так: «Я предпочитаю таких шлюх, как твоя сестра».

Голы, кстати, в том матче забил Зинедин Зидан на седьмой минуте и Марко Матерацци – на 19-й. Итальянцы победили в серии пенальти.

Глава 2

Противостояние команд

- *Суперсерия-1972: Канада – СССР*
- *«Эль Класико»: «Барселона» – «Реал»*
- *Противостояние команд-«династий» в НБА*
- *Командные драки на спортивном поле*

До сентября 1972 года хоккейные турниры делились четко: одни – только для профессионалов, другие – только для любителей. Но после суперсерии Канада – СССР хоккейный мир начал меняться.

Это был хоккей высшей пробы, турнир, равно которому не будет уже, наверное, никогда. Хотя бы потому, что исход спора, длившегося 480 минут, или 28 800 секунд «чистого времени», определился лишь за 34 секунды до финальной сирены восьмого и последнего матча серии. Почти каждая из восьми встреч сборных Канады и СССР собирала около 100 млн зрителей в Советском Союзе и порядка 25 млн – в Канаде и США, не считая еще нескольких миллионов болельщиков, прикивавших к телеэкранам в Европе.

«Для сборной СССР любое место, кроме первого, – провал». С середины 60-х годов в Советском Союзе это была практически официальная оценка итогов международных соревнований по хоккею. В Канаде на государственном уровне так формулировали вряд ли. Не было смысла. Вообще не было смысла сравнивать, соревноваться. Канадский хоккей – лучший в мире, это аксиома.

Впрочем, к началу 70-х годов канадцы уже были готовы вести разговоры о встрече сборной СССР с профессионалами. И весной 1972 года официальное соглашение о встрече хоккеистов НХЛ с советской сборной было подписано.

В Торонто и в Москве появились тренеры-разведчики соперников. Отчет канадской разведки был уничтожающим для сборной СССР. В пух и прах было раскритиковано все – передачи, броски, манера атаки и все, включая молодого вратаря Владислава Третьяка. Вместе с тем канадцы всерьез опасались, что «русские тренеры... наверняка загонят все полученные у нас данные в электронную машину и получат рекомендацию, как остановить Фила Эспозито...»

Советским тренерам же было совершенно непонятно, как такие закоренелые нарушители режима («после тренировки куда-то разъезжаются», «к отбою возвращаются не все») вообще ухитряются играть. Однако аура энхаэловского хоккея действовала даже на самых ярых поборников дисциплины: «Есть у канадцев один форвард, – рассказывали «разведчики». – Не руки – рычаги! Бросок мощнейший! Обводка – на широченной амплитуде... Похож на нашего Сашу Якушева, но, конечно, куда сильнее!»

Едва ли не вся Канада требовала от своих кумиров победы в Серии со счетом 8:0. Не смущало поклонников ни отсутствие Бобби Халла, ни травма Бобби Орра, одного из самых ярких игроков НХЛ за всю ее историю. Тем более что всех остальных лучших канадские тренеры получили.

В одной тройке были собраны звезды: центрфорвард Фил Эспозито и края из «Монреалья» – Курнуайе с Фрэнком Маховличем. Была и сыгранная тройка из «Рейнджерс» – Джилберт, Рателль и Хэдфилд. А еще – Пол Хендерсон и Рон Эллис из «Торонто» и пусть уже сходящая, но все еще яркая звезда – Стэн Микита из «Чикаго». А еще – Бред Парк и Род Силинг, Ги Лапойнт и Серж Савар, Тони Эспозито и Кен Драйден.

В состав команды Всеволода Боброва и Сергея Кулагина также вошли лучшие. Владислав Третьяк и Владимир Шаповалов, Александр Рагулин и Виктор Кузькин, Владимир Лутченко и Геннадий Цыганков, Валерий Васильев и Валерий Харламов, Борис Михайлов и Владимир Петров, Владимир Шадрин и Вячеслав Старшинов, Александр Мальцев и Александр Бодунов –

легенды советского хоккея. Не было, правда, Анатолия Фирсова – одного из лучших форвардов СССР поколения 60-х. Он выступал за возвращение в сборную прежнего тренера, Анатолия Тарасова, за что и был отлучен от команды.

После того, что русские сделали с нами в нашей игре здесь, в Канаде, боюсь, в спорте не осталось ничего святого.

Фрэнк Маховлич, левый край «Монреаль Канадиенс», о суперсерии-72

Сборная СССР прилетела в Монреаль 30 августа, а утром следующего дня хоккеисты вышли на лед тренировочного катка «Канадиенс». Суперсерия началась, хотя до официального вбрасывания было еще двое суток. И первая победа была за сборной СССР – посетившие очередную тренировку советской команды в монреальском «Форуме» канадцы стали жертвами мистификации, а точнее – военной хитрости. Они увидели корявых нападающих, которые не могут как следует бросить шайбу, неуклюжих, едва держащихся на ногах в резких поворотах защитников...

Потом, уже вечером 2-го сентября, канадцы признали, что тренеры и игроки советской команды их одурачили. Но претензий не предъявили – «на войне, как на войне».

2 сентября хитрости закончились. К 19.00 монреальский «Форум» был переполнен. Премьер-министр Канады Трюдо произвел символическое вбрасывание. А через 30 секунд после того, как шайба была введена в игру арбитрами, Фил Эспозито открыл счет, добив шайбу в ворота Третьяка. Описать, что творилось в это время в «Форуме», просто невозможно.

Еще через шесть минут, казалось, стены «Форума» рухнут – Кларк выиграл вбрасывание, отбросил шайбу Хендерсону, на мгновенный бросок которого Третьяк даже не успел среагировать, – 2:0.

В этот вечер мы были сильнее.

Кен Драйден, вратарь «Монреаль Канадиенс», о решающем матче суперсерии-72

Канада ждала разгрома. Дик Беддос – журналист торонтской газеты *The Globe and Mail* – перед началом серии заявил, что съест свою статью, если русские выиграют хотя бы один матч. И Канада дождалась. Наши пришли в себя, и вот уже Якушев из выгоднейшей позиции... пасует, вопреки всем канонам канадского хоккея, на дальнюю штангу. Зимин переправляет шайбу в пустой угол – 2:1. Через шесть минут, когда наша команда играет в меньшинстве, Михайлов перехватывает неспешный перепас канадских защитников и уносится к воротам Драйдена вместе с Петровым. Бросок, добивание Петрова – 2:2.

Во втором периоде чудеса продолжают. Владислав Третьяк играючи справляется с канадскими звездами. А наши забивают. Гениальный Харламов, как от стоячего, уходит от Джильберта, финтом обыгрывает медлительного Оури и застаёт Драйдена врасплох – тот пропускает шайбу между щитков. Через восемь минут Харламов исполняет то же самое «на бис» – Драйден вновь не ожидает броска (Харламов мастерски умел бросать, не закончив обводки) и вновь пропускает.

В третьем периоде Кларк сократил разрыв, но сил у канадцев больше не осталось. Последние семь минут игра идет в одни ворота. Михайлов, Зимин и Якушев доводят счет до разгромного – 7:3.

Канада в шоке. Журналисты в трауре: «Дебютируя в хоккее мирового масштаба, наши изнеженные любимчики профессионалы действовали так, будто их только что познакомили друг с другом...» Кен Драйден в сравнении с Владиславом Третьяком выглядел любителем. Защитники после быстрых, в одно касание, передач советских форвардов не знали, куда бежать. Канадские же форварды были хороши разве что для традиционных матчей «Олл старз». Но в игре против сборной СССР, отлично, по отлаженной годами системе подготовившейся к серии, сольные номера не проходили.

Дик Беддос, кстати, оказался человеком слова. Он закусил газетой со статьей, макая ее в тарелку борща, на ступеньках советского консульства в Торонто.

Синден основательно перетряхнул команду. Во втором матче суперсерии канадцы отказались от хоккейных изысков в стиле матчей «всех звезд» – и преуспели. Они вбрасывали шайбу в зону команды СССР, выигрывали борьбу у бортов и «грузили на пятак». Третьяк долго выручал, но сначала не справился с броском Фила Эспозито с хода, а потом в большинстве наши зевнули индивидуальный проход Пита Маховлича. Он ушел от защитников, серией финтов выманил из ворот Третьяка и этак небрежно – мол, полюбуйте, каков я – переправил шайбу в сетку. Зрелище впечатляло. Как и зрелище еще одного гола, забитого через две минуты Маховlichem-старшим.

Однако уже в третьем матче канадский «форчекнинг» (давление в зоне соперника) принес им лишь ничью – наши вновь отыгрались, уступая две шайбы. Героями последней двадцатиминутки стали вратари. За 13 секунд до финальной сирены Тони Эспозито спас канадцев после броска Мальцева. Третьяк же, парировавший за игру 38 бросков, под занавес переиграл и Хендерсона – бросок последнего метров с трех был из числа не берушихся.

Последний матч канадской серии растерянные профи проиграли как-то уж совсем не по-канадски. Уже через восемь минут сборная СССР вела 2:0 и не позволила усомниться в своей победе ни на минуту, закономерно выиграв со счетом 5:3. И вновь Третьяк был куда сильнее Драйдена, а трем атакующим звеньям советской команды хоть что-то противопоставить мог только Фил Эспозито со своими новыми краями, так что счет был вполне по игре.

Неутешительный для Канады итог первой половины Суперсерии подвел Фрэнк Маховлич: «Я готов поверить теперь во что угодно. После того, что русские сделали с нами в нашей игре здесь, в Канаде, боюсь, в спорте не осталось ничего святого. Если их кто-нибудь знакомит с американским футболом, они через два года разгромят “Далласских ковбоев” и выигрывают первый приз».

Через две недели канадцы, поигравшие в Швеции, чтобы привыкнуть к европейским площадкам, прилетели в СССР. И были снова биты. 22 сентября во Дворце спорта в Лужниках яблоку было негде упасть. Перед началом поединка, во время объявления составов, Фил Эспозито поскользнулся и упал прямо на пятую точку. Однако канадец не растерялся и, встав на одно колено, отдал поклон болельщикам, заслужив тем самым аплодисменты. Третьяк потом по этому поводу вспоминал: «Если бы я или кто-либо другой из моих одноклубников упал вот так, то мы не нашли бы себе места со стыда. Мы бы никогда не сделали так, как Фил Эспозито, – как артист, с такой элегантностью».

В правительственной ложе расположился давно благоволивший к хоккею Леонид Брежнев с ближайшими соратниками. На их глазах канадцы рванулись в атаку и к началу третьего периода вели 3:0. Жесткая силовая борьба, навязанная канадцами, не давала развернуться нашим защитникам. Первый пас не шел. Назревал скандал, подобный канадскому, но с противоположным знаком.

Но Сергей Кулагин еще после канадских матчей замечал, что профессионалов на три периода не хватает. И в середине третьего периода канадцы ушли в глухую оборону, но это не помогло. За 11 минут в их ворота влетело четыре шайбы. Итог матчу подвел Викулов. Красиво выиграв единоборство в углу канадской зоны, он вышел один на один с Тони Эспозито и спокойно переиграл голкипера – 5:4 в нашу пользу.

Перед вторым матчем московской части серии-72 уже поклонники сборной СССР требовали от своих любимцев победы во всех четырех матчах в Лужниках. Уже и некоторые советские хоккеисты начали поглядывать на профессионалов сверху вниз. Тогда как канадцам, припертым к стене, не оставалось ничего иного, как выиграть все оставшиеся встречи.

По сути, три последних матча серии-72 превратились в серии игр плей-офф Кубка Стэнли – вот тогда канадцы сумели раскрыться по-настоящему. Гарри Синден избрал во вто-

ром московском матче тактику игры «от обороны». Наши атаковали непрерывно, канадцы шесть минут провели в меньшинстве, но Драйден был непробиваем. Во втором наши забили, но только один раз. Канадцы же сделали это трижды. За 83 секунды. И удержали победный счет в третьем.

Но главная проблема для сборной СССР была не в этом. А в том, что мы остались без Харламова. Бобби Кларк, заработавший за это в Советском Союзе славу едва ли не главного хоккейного хулигана, ударом клюшки сломал Валерию Харламову лодыжку. Джон Фергюсон, помощник старшего тренера сборной Канады, много лет спустя вспоминал: «Харламов нас просто убивал. Я сказал Кларку: “Мне кажется, нам нужно стукануть его по лодыжке”. Я ни на секунду не сомневался». Позже Кларк признал: «Если бы я иногда не прикладывал их “двуручником”, я бы до сих пор куковал в деревне Флин Флон». Сам Харламов на вопрос, умышленно ли бил его тогда Кларк, никогда не отвечал.

Страсти накалились еще больше, что вкупе с предвзятым, по мнению канадцев, судейством едва не привело к срыву Серии. Судья Йозеф Компалла из ФРГ, кстати, грязного приема Кларка не запомнил, хотя и удалил того до конца матча. Для канадцев немец так и остался «парнем, испортившим шестой и восьмой матчи», за что в самолете Москва – Прага, которым Компалла после суперсерии неосмотрительно летел вместе со сборной Канады, они его и поколотили.

Точно сказать, были ли европейские судьи «заряжены» перед московской частью суперсерии, вряд ли кто-нибудь рискнет даже сейчас. После шестого матча канадцы потребовали заменить немцев – в противном случае, пригрозили они, сборная Канады на лед не выйдет. Дипломатическую битву выиграла советская сторона. Но если в Канаде американские арбитры в совокупности выписали хозяевам 40 минут штрафа, а гостям – 33, то в Москве канадцы получили 107, сборная СССР – 51.

Как бы то ни было, успех в шестом матче канадцев явно воодушевил, и в седьмом они чувствовали себя уже гораздо увереннее. Солировали два брата Эспозито – Тони на канадских воротах и Фил – у противоположных. С ним ничего не могли поделать ни наши защитники, ни персональный «сторож» Евгений Мишаков, неоднократно выключавший из игры знаменитого центрфорварда спартаковцев Вячеслава Старшинова.

Матч был равным. Заканчивалась 58-я минута (счет был 3:3), когда Савар, увидев уже набравшего скорость Хендерсона, дал ему великолепный пас на выход. Канадец финтом обманул защитника Цыганкова, выкатился к воротам Третьяка и вонзил шайбу под перекладину. 4:3. Канадцы совершили почти невозможное – сравняли счет в суперсерии-72. И последний матч действительно становился матчем плей-офф.

В нем Гарри Синден сделал ставку на Кена Драйдена – вратарский вопрос в суперсерии оказался для канадцев самым болезненным, – хотя тот и выглядел послабее Тони Эспозито. Борис Кулагин же попросил выйти на лед Валерия Харламова, поскольку был уверен, что канадцы прикрепят к нему опекуна, развязав тем самым руки его партнерам. Валерий, естественно, согласился.

Обстановка была накалена до предела. При счете 1:0 в пользу сборной СССР Компалла наказал Париже за весьма спорную блокировку соперника, не владеющего шайбой. Жан-Поль ответил, естественно, отнюдь не на дипломатическом языке, за что получил к двум минутам штрафа еще 10-минутную добавку от второго судьи – представителя Чехословакии Рудольфа Бати. И тогда разъяренный канадец взмахнул клюшкой, чтобы снести немцу голову, но в последний момент обрушил ее на борт. После чего был удален до конца игры.

Со скамьи сборной Канады на лед полетели перчатки, клюшки и даже стулья. Пока все это убрали со льда, страсти несколько улеглись. А потом Эспозито сравнял счет. «Рубка» практически на равных продолжалась до конца второго периода, когда наши повели 5:3. На

последних минутах периода счет мог стать разгромным. Однако ни Блинов, ни Шадрин не сумели переиграть канадского голкипера. На этом наши успокоились.

И напрасно. Потому что оставался еще Фил Эспозито. Он тащил на себе канадцев. Он почти не покидал льда. Играл с самыми разными партнерами. И остановить его хоккеисты сборной СССР оказались не в состоянии.

На 43-й минуте Фил сократил разрыв. А еще через 10 минут шайба после серии рикошетов попала к Курнуайе. Тот моментально переправил ее в сетку. Однако арбитр... не зажег красный фонарь за воротами сборной СССР. Гол был настолько очевиден для всех, что попытка «не заметить» его выглядела откровенно нелепой. Алан Иглсон – руководитель канадской делегации – побежал вокруг площадки к арбитру за воротами, дабы, как потом говорил сам Алан, «всыпать ему как следует». Несколько милицейских чинов перехватили Иглсона и попытались «под белы руки» увести куда-то в подтрибунные помещения.

Канадские игроки быстро пересекли площадку и отбили Иглсона у милиции, проведя его прямо по льду на свою скамейку запасных. Но угрожающе молчаливые серо-синие милицейские колонны прочно заняли свои позиции во всех проходах. И начини тренеры или игроки сборной СССР публично оспаривать гол, неизвестно, чем бы все кончилось. Но наши спортсмены повели себя достойно, и вскоре на табло Дворца спорта все же появились цифры 5:5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.